

ГЛАВА 18. «СТРАТЕГИЯ ПЕРЕМАЛЫВАНИЯ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

А.Д.Богатуров

Современную глобальную политику США — при многообразии ее главных аспектов — трудно понять в отрыве от выявившихся в 90-х годах трех новых «вводных»: снижения для США силовой конкурентности со стороны международной среды, связанного с этим измененного целеполагания в отношении западноевропейского, постсоветского и дальневосточного материковых пространств и опережающего роста значения восточноазиатских составляющих Евразийского материка в американской системе внешнеполитических, экономических и военно-стратегических приоритетов.

Россия в политике, формирующейся под воздействием этих факторов, утратила универсальную и самодовлеющую роль, которой в глазах американского истеблишмента обладал Советский Союз. Но российско-пост-советское, а в меньшей степени и восточно- и южно-европейское «пост-социалистическое» направления приобрели для американской внешней политики новое и тоже важное значение в связи с изменением конфигурации интересов США в Евразии, на тихоокеанских рубежах которой возвысились Китай и Япония, отношения с которыми в следующем веке станут, по-видимому, представлять для американских интересов полифонию сплетения дополнительных возможностей и граничащих с угрозами вызовов.

Задача статьи — исходя из главных процессов мировых трансформаций, выявить наиболее устойчивые, глубоко мотивированные характеристики политики США в отношении России и ее по-прежнему спазматических попыток найти оптимальную линию в отношении наступления во утверждение своего лидерства, которое победоносно разворачивают США в последние 10 лет.

I

За эти годы внешняя среда активности американской дипломатии сильно изменилась. *Во-первых*, при ее участии «явочным порядком» была осуществлена реорганизация глобальных структур мироуправления таким образом, что наряду с универсальным по охвату и официальным по статусу ооновским механизмом вырос полужакрытый (по избранности допущенных в него членов) и неформальный (по типу принятия решений) тандем «семерка»-НАТО, который по практическому воздействию на мировую политику стал вровень с ООН. Между двумя ветвями мирополитического регулирования — формальной, ооновской, и неформальной, «семерко-

натовской», разворачивается конкуренция, в которой вторая обладает рядом преимуществ.

Прежде всего, «неформальная» ветвь эффективнее в принятии решений. Старые члены «семерки» представляют собой однородные в политико-идеологическом и экономико-социальном отношениях государства, и им проще «притирать» свои интересы, чем разнородным субъектам, составляющим большинство ООН. Страны «семерки» имеют возможность заранее согласовывать свои позиции по важнейшим международным вопросам, а затем отстаивать их в ООН коллективно. Такая двухступенчатая дипломатия довольно точно — но не «зеркально» — воспроизводит двухступенчатую модель выработки решений, характерную, что любопытно, для дипломатии стран АСЕАН в отношении их партнеров. Государства этой группировки еще с начала 80-х годов начинали переговоры с более сильными западными партнерами и Японией только после того, как предварительно договаривались между собой за закрытыми дверями совещаний на уровне министров иностранных дел или глав государств и правительств¹. Двухступенчатая модель повышает эффективность дипломатии любой группы стран, выступающих с позиций «прогнозируемого меньшинства» в процессе коллективной выработки решений, что и учитывается странами «семерки» в их политике.

Другим преимуществом механизма «неформального регулирования» является его замкнутость на военную организацию НАТО. ООН не имеет собственных вооруженных сил, в силу чего любое потенциальное решение Совета Безопасности о силовых санкциях грозит перерасти в громоздкое многоканальное согласование, способное отсрочить действия на неопределенный срок. Страны «семерки», напротив, могут мобилизовать свои военные ресурсы сравнительно быстро, руководить ими слаженно и применять по своему усмотрению, учитывая собственные политические интересы, равно как и задачи испытания боевой техники, «обкатки» и «обстрела» военных формирований на случай последующих конфликтов.

Правда, «семерка»-НАТО вроде бы предпочитает действовать с санкции ООН, но, как показали события в Косово весной-летом 1999 г., она не считает получение мандата ООН «категорическим императивом». Более того, речь, скорее, идет о формировании странами «оси» цепочки прецедентов, способных стать вешками на маршрутах утверждения практики принятия международных решений «в обход ООН». Имеется в виду, по-видимому, двуединая установка: с одной стороны, легализовать, морально оправдать в глазах общественного мнения действия «семерки»-НАТО, принимаемые вопреки ООН, с другой, оказать психологическое давление на ООН, которая, понимая собственную слабость и невольно реагируя на силовое

¹ Об этом механизме подробнее см. нашу работу «Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны. 1945-1995». М., 1997.

преимущество и превосходство политической воли «оси», стремится, «сохраняя лицо», избежать противостояния с «семеркой» за счет движения навстречу ее требованиям.

Ситуация усугубляется положением внутри ООН. Затянувшееся обсуждение вопроса о ее реформировании не дает позитивных результатов. Оно привело лишь к тому, что разговоры об устаревании ООН и ее неадекватности стали рефреном речей и текстов на ооновские темы. Острые критики направлены против Совета Безопасности, внутри которого в соответствии с Уставом сохраняется преимущественный статус ограниченного круга пяти постоянных членов (США, России, Китая, Франции и Великобритании), обладающих привилегией вето в отношении рассматриваемых решений. Соответственно, предложения о реформе так или иначе концентрируются вокруг возможности увеличения числа постоянных членов СБ (за счет принятия некоторых других крупных держав, например, Индии, Германии, Бразилии, Японии и т.д.) и «размягчения» консенсусной формулы принятия решений таким образом, чтобы, по крайней мере, некоторые решения СБ принимались простым большинством без учета согласия или несогласия всех пяти постоянных членов.

Не вдаваясь в частности вопроса о реформе и ее необходимости, заметим, что дискуссия о неадекватности ООН косвенно работает на «моральную делегитимацию» ООН и основанной на ней системы мирополитического регулирования. Международное общественное мнение вольно-невольно подготавливается к вероятному вбросу тезиса о непригодности ООН для выполнения регулирующих функций в международных отношениях и о неизбежности передачи ее роли тем механизмам, которые де-факто уже и так перенимают существенную долю ее прежде исключительных функций.

Во-вторых, после переходного периода, длившегося не более полутора-двух лет после распада СССР, в мире в основном утвердился пришедший на смену ялтинско-потсдамскому новый международный порядок. В литературе была предпринята не лишняя логика попытка назвать его «мальто-мадридским»¹ — по советско-американской встрече на Мальте в 1989 г., когда советское руководство, как принято считать, согласилось признать право стран Варшавского договора развиваться по несоциалистическому пути; и сессии Совета НАТО в Мадриде в декабре 1996 г., на которой было в принципиальном плане решено начать расширение НАТО на восток с включением в него бывших социалистических государств.

¹ Бабурин С.Н. Мировой порядок после СССР и территориальный вопрос // Национальные интересы. 1998. № 1. С. 8-15. Есть основания полагать, что к формулированию основных положений этой работы имел отношение д.и.н. Борис Николаевич Занегин (скончавшийся в январе 2000 г.), видный российский международник марксистско-фундаменталистской, как он сам ее именовал, школы, долго выполнявший при С.Н.Бабурине роль аналитика и советника по международным вопросам.

Этот порядок официальные власти и часть научных кругов в ряде стран, но прежде всего в Китае и России, стремятся вопреки очевидному видеть многополярным. Однако более основательным, как представляется, является мнение о том, что современный мир приобрел характер однополярной структуры, полюсом которой является не одна страна, а их узкая группа оси «семерка»-НАТО. В одной из наших публикаций было предложено именовать такую структуру «плюралистической однополярностью». Появившийся вскоре вслед на страницах русской печати термин американского исследователя Айры Страуса «униполярность»¹ представляется менее удачным, так как, во-первых, он представляет собой грубоватую транслитерацию английского слова, построенного к тому же на латинской основе, а во-вторых, что существеннее, затушевывает те процессы внутри единственного полюса, которые важно ясно видеть. Речь идет о том, что параллельно с укреплением позиций группы «оси» в целом по отношению к остальному миру внутри нее развивается весьма любопытный процесс децентрализации.

Этот процесс (его иногда описывают как частное проявление общей тенденции к фрагментаризации современного мира) имеет несколько проявлений. Прежде всего, в рамках «оси» продолжает отвердевать собственно европейское начало, пытающееся равноположить себя по отношению к атлантическому. Ускорившийся с 1998 г. бег стран Западной Европы в поиске западноевропейской военно-политической и оборонной идентичности, настойчиво повторяемое желание иметь мощную европейскую основу для того, что когда-то должно стать единой оборонной политикой Европейского Союза, — самый заметный из этого ряда признаков.

Другим является давно нарастающий крен в пользу пересмотра некоторых положений американско-японского союза. Речь по-прежнему вряд ли идет об изменении ориентации США или Японии на развитие двусторонних отношений. Интересы двух держав слишком тесно переплетены, чтобы какая-то из них помышляла о разрыве или переводе отношений на более низкий уровень. Но эволюция представлений и США, и Японии о возросших возможностях Токио оказывать влияние на международные отношения и объективное укрепление позиций страны в международных отношениях в 90-х годах создали основания для устранения асимметрии обязательств обеих сторон по связывающему их договору безопасности 1961 г. (США обязаны защищать Японию, но Япония согласно своей мирной Конституции не обязана защищать США). Это может выразиться в переподписании прежнего договора и заключении аналогичного, в котором однако может быть зафиксировано расширение как объема

¹ См.: Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 25-36. Для сравнения см.: Страус А. Униполярность (Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России) // Полис. 1997. № 2. С. 27-44.

встречных обязательств Японии, так и ее прав в рамках союза с США, которые сегодня существенно ограничивают японский суверенитет в сфере внешней, военной и даже технологической политики.

Еще одним признаком децентрализации в рамках «оси» можно считать подчеркиваемое стремление США избежать фронды в своих рядах. Ради этого американская дипломатия стремится не только закрепить за собой основные рычаги лидерского управления миром, но и обеспечить согласие на это со стороны самих управляемых — по крайней мере, той их части, которую составляют «старые» члены «семерки» и даже Россия. Не позволяя усомниться в воле следовать собственному видению перспектив международного развития, Соединенные Штаты одновременно перешагивают через «комплексы величия», стремятся методами убеждения, посула, экономического стимулирования добиться принятия или хотя бы понимания их позиции теми странами, отношениями с которыми Вашингтон считает нужным дорожить.

Действуя в таком векторе, США прилагают усилия для удержания России и Китая в режиме конструктивного диалога с собой, хотя спектр расхождений между этими странами и США не является секретом. В русле этой же тенденции стоит понимать спокойствие, с которым Вашингтон говорит о трансформации «семерки» в «восьмерку» и о возможном присоединении к ней в перспективе Китайской Народной Республики, в случае чего «девятка» станет уже и внешне (по составу и консенсусной процедуре принятия решений) напоминать Совет Безопасности ООН, будь он реорганизован согласно некоторым из обсуждаемых проектов с той разницей, что за его рамками останутся, скажем, Индия и Бразилия.

В-третьих, новый международный порядок характеризуется сменой основополагающей идеи, оставшейся базой межгосударственных отношений с Вестфальского мира. Вместо принципа *laissez-faire* («разрешительности», «невмешательства»), в соответствии с которым каждое государство хотя бы теоретически было свободно в своей внутренней политике до тех пор, пока это не начинало угрожать безопасности других государств, 1999 год принес утверждение принципа «избирательной легитимности», в соответствии с которым государства-лидеры (страны «оси»), могут сами определять параметры законности или незаконности того или иного правительства в зависимости от соответствия или несоответствия его политики интересам и представлениям государств-лидеров. Смена концепции связана со сдвигом, который один из коллег охарактеризовал как «достижение демократией “критической массы” (силового? — А.Б.) превосходства над автократией»¹, или — добавим — иной формой политического устройства, которую удобно и неопасно объявить автократической, апеллируя к стандартам либеральных норм.

¹ Кулагин В.М. Мир в XXI в.: многополюсный баланс сил или глобальный Pax democratica (гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития) // Полис. 2000. № 1. С. 24.

Первой жертвой реализации новой концепции стала по определению не способная представлять угрозу для НАТО Югославия во время конфликта в Косово. Показательно, что «пороговая» в ядерном отношении, и в этом смысле более опасная, Северная Корея, потенциально угрожающая и Южной Корее, и Японии, в разряд объектов применения силовых мер против «нелегитимных» режимов не попала, хотя ее политика в области прав человека (за неудовлетворительность которой была будто бы подвергнута бомбардировкам Югославия) не соответствует нормам, принятым даже в кругу советских сателлитов времен «реального социализма»!

В-четвертых, утверждение нового порядка произошло на фоне длительного благоприятного периода развития пост-индустриальной экономики и ее экспансии в новые ареалы. «Демонстрационный эффект» этой экспансии не был парирован даже «азиатскими» финансовыми кризисами 1998 г. и угрозой обострения проблемы международной задолженности. Устойчивый рост экономик США, Японии, стран Западной Европы, бум в Китае, объясняемый как результат отхода от жесткостей государственного хозяйствования, — эти обстоятельства способствовали укреплению «психо-энергетического потенциала» усилий Запада ради продления жизни действующей модели экономического развития. Экономическое благополучие развитой части мира стало решающим аргументом для обоснования мнений о безальтернативности избранного Западом пути. В политологии стали набирать популярность концепции переходности: от госрегулирования — к свободному рынку, бедности — к процветания, тоталитаризма — к демократии, унитарности — к федерализму, национального государства — к свободной ассоциации регионов и территорий и т.д.

Финансово-экономическая подпитка таких интеллектуальных построений, а в ряде случаев и их эмпирическая убедительность, привели к тому, что для международных отношений, и это *в-пятых*, стала неожиданно характерна «обратная идеологизация». Она выразилась в ужесточении либерально-моралистской «догматики», абсолютизации опыта западной демократии и связанных с ней хозяйственной и социально-политической систем. Соответственно, реальный опыт (неудачный ход реформ и коррупция в России), неместимый или не вполне вместимый в клише соответствий-несоответствий теоретическим ожиданиям, стал восприниматься как признак неспособности или нежелания (России) «исправиться» и должным образом следовать моделям поведения, которые, в числе прочего ценой почти непрерывных малых и больших войн с конца XVIII до середины XX в., Запад «внутри себя» согласился считать нормативными.

Наконец, *в-шестых*, над «реал-политическими» сдвигами в международных отношениях был водружен по-своему величественный «либерал-идеалистический» полог гипотезы о том, что главное содержание современной эпохи определяется переходом большинства стран мира на путь созидания гражданского общества на базе либерально-демократического синтеза. Пробегая эти строки, читатель среднего и

старшего поколения невольно вспомнит «научкомовский» постулат «неизбежности перехода от социализма к коммунизму» из Программы КПСС в редакции 1961 г. и — весело или горько — ухмыльнется. Но молодой читатель, погруженный в современную либеральную теорию, но не знакомый с советскими догмами, лишен материала для сравнений. Он может не уловить иронии доктринальных параллелей, и оттого ему ценнее просто наложить печатаемое в теоретизирующих текстах на жизненные реальности и подумать над неувязками.

Тем, например, что разрушение тоталитарных обществ в большинстве случаев дало не прирост «цивилизованных» демократических мотиваций, а обнажение *традиционных, в том числе архаичных и анти-цивилизованных*, структур в поведении и мышлении людей, государств и народов. Примером тому — внешнеполитическое поведение послетитовской Хорватии, нынешних Азербайджана, Армении, среднеазиатских государств. Или тем, что псевдо-демократические и явно авторитарные составляющие *политики* фактически вполне гармонично сосуществуют, дополняя друг друга, в пост-тоталитарных обществах конгломератного типа, к числу которых принадлежат Россия с Украиной и абсолютное большинство других стран, образовавшихся на месте прежнего социалистического содружества. И, наконец, тем, что в итоге тенденция к распаду классических тоталитаризмов на деле пока что сработала на увеличение в мире архаико-традиционалистского потенциала.

Эти наблюдения могут показаться спорными. Но незавершенность дискуссии о смысле перемен в современном мире, противоречивость их природы и отсутствие ясности в представлениях о векторах преобладающих тенденций (ясно — что от тоталитаризма, не ясно — куда) не позволяют говорить о шестом сдвиге как реальном и свершившемся. Но это и не важно. Значимо, что в сфере общественного сознания представление о реальности этого сдвига внедрено прочно. Поэтому в сфере идеологии международного общения тенденция к демократизации, будь она полу-виртуальной или действительной, оказывает действенное влияние на отношения между государствами и в этом смысле подлежит учету при анализе.

II

Сдвиги оказались благоприятными для Соединенных Штатов. Сознвая это, американская элита стала откровенно формулировать заявки на руководство мировыми процессами, обобщенным образом которых в глазах образованных слоев сегодня выступает «глобализация». В ее основе лежат глубокие объективные перемены прежде всего экономической природы, которые оказывают на современные международные отношения всестороннее влияние. Вместе с тем, на базе экономических процессов глобализации в последние годы выросла своего рода политическая идеология и даже своего рода «виртуальная надстройка». В развитие идейной составляющей глобализации уместно понимать и установку президента Б.Клинтона, который

в январе 2000 г. в ежегодном послании Конгрессу провозгласил содействие распространению глобализации главной задачей международной политики США. «Глобализация — это не только экономика. Нашей целью должно стать объединение мира вокруг идей свободы, демократии и мира для противостояния тем, кто не разделяет эти понятия. В этом состоит фундаментальный вызов, с которым Америка, я уверен, должна справиться в XXI веке»¹.

Американской дипломатии нельзя отказать в умении. Глобальное лидерство Вашингтон старается, скорее, «настойчиво проецировать», чем грубо навязывать. Для сдержанности, правда, имеются основания. Вашингтонские аналитики просчитывают потенциал антиамериканского сопротивления. Его составляющими являются, во-первых, высокая стратегическая самостоятельность, как минимум, двух ядерных держав — Китая и Индии, во-вторых, неоднозначность политических ориентаций исламского мира, внутри которого не ослабевает, меняя очертания, антиамериканский запал; в-третьих, хронические антиамериканские сетования (на бесцеремонность и авторитарность) в кругу западноевропейских союзников и Японии; в-четвертых, подозрительность России, кое-где прямо и косвенно связывающей угрозы своему выживанию с американской поддержкой антироссийских тенденций в зоне бывшего СССР; в-пятых, «дисперсный антиамериканизм», присутствующий в разных регионах мира, прежде всего в Латинской Америке. Показательный курьез: самыми «верными» сторонниками США сделались самые недавние из них — «новообращенные» государства, жаждущие американской помощи (Латвия, Польша, Азербайджан, иногда Украина). Но их декларативная поддержка может выполнять в основном роль «психологического громозвонка» от непопулярных шагов США, но не всерьез облегчать проведение американского курса.

В Вашингтоне стараются осмысливать положение дел прагматично, не тратя ресурсы на преодоление лобового сопротивления там, где его можно было ослабить и нейтрализовать косвенно и постепенно. Желание предупредить «фронтальную» конфронтацию с несогласными — последовательная линия США. «Америка не может лидировать, если другие за ней не следуют», — раздраженно признает зарубежный коллега, критикуя администрацию за ее чрезмерную, по его мнению, щепетильность в диалоге с иностранными партнерами². Оглядываясь на внутренних оппонентов, Вашингтон, тем не менее, упрямо и терпеливо одновременно увещевает несогласных и оказывает на них «неадекватное давление», применяя такую тактику к отношениям с Россией, Китаем, Индией и даже — в последнее время — Ираном. Логика американского поведения понятна — помочь в осуществлении долгосрочных планов США эти государства, может

¹ The State of the Union Address // Washington Post. January 27, 2000.

² Lake D. Entangling Relations. American Foreign Policy in its Century. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 298.

быть, и не могут, но они могут помешать, резко повысить издержки американской политики. Здравая логика, пригодная, заметим, для объяснения причудливой линии Москвы в попорченных семейным неблагополучием связях с братской Украиной — которая, лавируя и изворачиваясь, неуклонно, тем не менее, движется к приобретению в глазах США роли главного геополитического рычага воздействия на российскую политику с юго-западного и западного направлений.

Современная политика США рассчитана на разрешение двуединой задачи: во-первых, обеспечить «мягкую мобилизацию» ресурсов союзников в интересах их использования для достижения общеамериканских («семерочных») целей под своим руководством и, во-вторых, раздробление, измельчение потенциала реального и латентного противодействия западным устремлениям — в том числе через «стратегию перемалывания», под которой понимается линия на формирование и поддержку на пространстве бывшего социалистического мира сети не особенно сильных и не слишком устойчивых новых государств, вовлеченных в сотрудничество и отношения «асимметричной взаимозависимости» с Западом, дорожащих помощью США, делающей их податливыми к американским рекомендациям. Понятная сама по себе, эта политика не без оснований воспринимается с тревогой в России.

Геополитический смысл американской стратегии заключается в принципиальном повороте США к реорганизации всего пространства западной и отчасти центральной зон Евразии в интересах придания ему новой государственной и коммуникационной структуры, максимально соответствующей желанным перспективам поступательного развития мировой экономики и национального хозяйства промышленно развитых стран в первых десятилетиях XXI века. По сути дела речь ведется о перезакладке фундамента для сохранения и совершенствования ресурсно-пространственных оснований той модели развития, которая в понимании зарубежной политологии принесла успех Западу и достойна поэтому переноса с соответствующими модификациями в новое столетие.

При постановке задачи такого масштаба не думать о естественном сопротивлении материала — то есть международно-политической страновой среды — невозможно. В меру ясности этого обстоятельства очевидна объективная заинтересованность «мирового ядра» в минимизации возможного сопротивления и, стало быть, в размягчении, разрыхлении среды. Подобное разрыхление вообще-то влечет за собой повышение конфликтности международных отношений — правда, конфликтности в дисперсной форме, в виде множественных конфликтов уровней ниже региональных. Это — по своему опасная игра. Но на фоне силового превосходства в отсутствие соперничества с чей-либо стороны Запад не тревожится. Тем более, что выигрыши от расчетного успеха реорганизации восточно-европейского пространства могут существенно превзойти риски от потенциальных потерь.

Не то чтобы США и страны НАТО специально прилагали усилия для разрушения относительно крупных государств вроде Югославии и России, которые не только в силу особенностей преодоления наследия коммунизма, но и в силу размеров были менее проницаемы для импульсов внешних влияний. Но Запад предпочитает иметь дело с меньшими и более слабыми государствами. Ресурсов для оказания им помощи у него достаточно, а иметь с ними дело проще. Слабые страны покладисты и чувствительны к западным рекомендациям, в части реконфигурации пространства — тоже. Отсюда — по своему закономерный выбор Запада к пользу «малых» против «больших», а не наоборот. И отсюда же — напор «малых», домогающихся помощи Запада, даже если оборотной стороной этой помощи является гражданская война и раскол прежних (то есть прежде — своих собственных) государств. «Стратегия перемалывания» не основана на прямых подрывных действиях, но в ее основе, несомненно, лежит принцип *индуцирования* центробежных тенденций в потенциально «несогласных» с реконфигурацией Евразии государствах. Это не всякий раз автоматически прямая поддержка сепаратизма, но это неизменно игра на грани таковой.

Важно избежать упрощений. Ни в политическом, ни в интеллектуальном отношении американский истеблишмент не представляет из себя монолита. В США существует значительный разброс мнений относительно роли и места России в мировой политике и американо-российских отношений. Наряду с традиционно антироссийскими группировками в стране существуют не менее влиятельные силы, симпатизирующие России и российским реформам. Более того, именно в 90-х годах настроения в пользу сотрудничества с Москвой были в Соединенных Штатах наиболее сильны: увидеть в России партнера США стремились и романтики-либералы из числа демократов, и одновременно республиканцы, включая некоторую часть их правого крыла. Однако, при всех различиях между ними, и те, и другие понимали партнерство с Россией, в сущности, в едином ключе — как партнерство доброго учителя с прилежным учеником. Если же оказывалось, что ученик «домашнее задание» выполнял худо или неумело, то и за учителем оказывалось право среагировать соответствующим образом.

А поскольку со своим «домашним заданием» — проведением рыночных реформ и построением демократического общества — Россия, как известно, хронически не справлялась, то и отношения «ученика» с «учителем» давали искры взаимного раздражения, позволяя Соединенным Штатам действовать односторонне в тех вопросах, где Москва прежде всего хотела бы иметь право решающего голоса на равных — расширение НАТО, например, или политика на Балканах. Причем, в сущности, и в вопросе распространения Североатлантического альянса на восток, и в отношении операций НАТО в Югославии основная часть американского истеблишмента была все-таки едина, несмотря на ясное понимание принципиального несогласия России с политикой Вашингтона. Складывается любопытная ситуа-

ция: на фоне дебатов, разногласий и дискуссий в отношении перспектив американо-российского сотрудничества в США на уровне принятия ключевых практических решений, затрагивающих интересы Москвы, в стране всякий раз возникает двухпартийный консенсус.

Конечно, никакого единого, рассчитанного на десятилетия стратегического плана-заговора в отношении России на Западе нет. Есть цепь не всегда зависящих от США обстоятельств — прежде всего спазматическое развитие самой России, — вызывающих конкретные шаги-реакции Вашингтона и его союзников. Из этих шагов, тем не менее, складывается некоторая объективная закономерность, из фиксирования и анализа которой и вырастает обобщение относительно «стратегии перемалывания», которая, конечно, не представляет из себя писанную доктрину, официально принятую к исполнению американской дипломатией.

«Разрыхление» евразийского пространства — не самоцель, а промежуточная задача Вашингтона. В долгосрочной перспективе цель состоит, конечно, в создании на этой части материка более или менее устойчивого и хорошо управляемого (международными институтами?) пространства. Но к этому искомому состоянию международных отношений легче прийти через «выравнивание» прежде хорошо «перепаханного» международно-политического поля», чем через преодоление сопротивления мощных «слежавшихся» государственных слоев, вроде России. Вот отчего готовность США оказывать помощь национальному самоопределению на пост-социалистическом пространстве — инструмент рыхления местного пространства, а установление тесных связей с молодыми государствами и содействие их переориентации с России на Запад — средство его «выравнивания». По-своему умно и грамотно. И все-таки тревожно.

Соединение того и другого методов в руках американской дипломатии образует главный инструмент формирования в Евразии новой структуры обеспечения стабильности и безопасности, «отцентрированной» под США, НАТО и связанные с ними системы меньших региональных и двусторонних союзов, партнерств и квази-союзных комплексов межгосударственных отношений. На сей раз таким путем американская дипломатия движется к реализации в новых условиях исторически традиционной стратегической задачи США: предотвратить появление в Евразии гегемона, способного поставить под удар американские интересы¹.

Ресурсно-материальных условий для формирования на вновь осваиваемом пространстве нового по-настоящему мощного проамериканского ядра в США — что справедливо — не видят. Поэтому-то НАТО и остается краеугольным камнем евразийской политики Вашингтона. Но к востоку от «старой зоны» Альянса все же могут

¹ См. в основе своей не устаревшую ни в чем, кроме названия, классическую работу Г.А.Трофименко об эволюции стратегической мысли США «США: политика, война, идеология» (М., 1976).

сформироваться прото-ядрышки новой системы, которые будут составлять вовсе не «санитарный кордон» или сферу передового базирования Атлантического мира (против России — как полагают коллеги-аналитики крайне левой и резко правой ориентации), а «всего только» — в точном соответствии с теориями интеграции — его *новый фронтир*, что не одно и то же и, может быть, гораздо хуже для тех стран, которые остаются за порогом этого по-своему поразительного и непредсказуемого процесса — освоения-интеграции.

Подобными прото-ядрышками при определенных обстоятельствах могли бы стать, например, структура трехстороннего эстона-латвийско-литовского партнерства в Прибалтике, азербайджано-турецкий союз, система перекрестных итальянских и турецких гарантий Албании на одновременно антисербской и анти-ирредентистской основе, сеть балтийско-черноморского сотрудничества от Финляндии до Грузии и т.п. В ряд с такими прото-структурами — в зависимости от ситуации внутри России — могут помещаться, *но могут и не помещаться* отношения Вашингтона с Москвой. От этого и зависит очертание внешних границ новой зоны освоения-интеграции.

Непроясненность этого вопроса и отсутствие основ для однозначных суждений о перспективе российско-американского взаимодействия — основной источник неустойчивости структуры межгосударственных отношений в Центральной-Северной Евразии и одна из причин беспокойства США. Поэтому американская политика «на всякий случай» строится в расчете на два сценария: Россия — партнер США (неважно — более покладистый или более упрямый, сопротивляющийся и норовистый) или Россия — американский соперник, готовый, не возобновляя конфронтации, одновременно совместно с другими недовольными странами воспользоваться любым промахом и любой трудностью администрации США для ограничения и ослабления американского влияния в мире.

Американцы не лгут, говоря, что желают России стабильности. Но более стабильности для нее Соединенные Штаты желают распространить свое влияние на восток от старой зоны ответственности НАТО. Инструментом и условием их утверждения в новых пространствах является благожелательное отношение местных правительств к американскому пришествию. Вот отчего Вашингтон заинтересован в возникновении в зоне потенциального распространения своего влияния покладистых государств больше, чем в поддержке неуспешных попыток Москвы сохранить сферы своих преимущественных интересов в поясе бывшего СССР.

Поэтому, сколь бы ни подчеркивались общие и параллельные интересы Москвы и Вашингтона, США принципиально заинтересованы в «геополитическом разукрупнении России». Вряд ли США станут активно содействовать разрушению Российской Федерации, но они окажут поддержку всякому режиму, который сможет добиться от Москвы хотя бы своей частичной легитимации в форме признания де-факто.

России важно сохранить с трудом завоеванный статус демократической страны еще и потому, что если Россия — демократическая страна, то пытающийся отколоться от нее мятежный режим трудно рассматривать как демократический, а его борьбу — как справедливое движение за национальное самоопределение. Следовательно, по крайней мере теоретически, сепаратистов будет сложно отнести к разряду сил, заслуживающих американской поддержки на основании известной «концепции Лейка» 1993 г. («концепция расширения демократии»), в соответствии с которой США провозгласили задачей своей политики содействие распространению демократических режимов по всему миру. (Расширение НАТО на восток, заметим, — главный результат этой концепции.)

Америка — не враг России, что ясно так же, как и то, что сохранение собственной территории — дело самой Москвы, а не ее зарубежных партнеров. Мы сами виноваты, что построили за десять лет тот строй, который существует, и сами должны попытаться выбраться из трясины, в которую угодили из-за собственной гражданской безответственности. США не симпатизировали Советскому Союзу и желали его распада, но Ельцина выбирали не американцы, а российские граждане. И не американцы убеждали нас в начале 90-х, когда жирела дудаевщина и матерел ее невидимый финансовый спрут в Москве, полагаться на чье-то благородство и помощь в отстаивании интересов своей безопасности на Кавказе.

Острие американской стратегии направлено на обеспечение себе наиболее благоприятных конкурентных позиций в XXI веке, исходя из того, что наиболее мощным и одновременно закрытым для американского влияния государством в будущие десятилетия будет оставаться Китай, для которого отношения с Россией могут оказаться как мощным активом, так и обременительным пассивом.

Этой способностью Москвы увеличивать или уменьшать конкурентоспособный силовой, экономический и иной потенциал КНР сегодня на уровне практической политики определяется реальная заинтересованность Вашингтона в конструктивных отношениях с Москвой. Как соображениями реорганизации пространственных тылов определяется политика США в Восточной Европе: в случае гармонизации российско-американских устремлений этот регион может стать частью общей российско-европейской опорной платформы США в экономической и иной конкуренции с Китаем, а в ситуации роста противоречий между Вашингтоном и Москвой — превратиться в передовой форпост, с которого Западу будет проще удерживать Россию в нейтральной позиции на случай острого противостояния Китая с Соединенными Штатами.

В целом в «стратегии перемалывания» можно выделить несколько основных черт: 1) избирательное индуцирование центробежных тенденций в многоэтнических крупных государствах пост-социалистического пространства; 2) вовлечение наиболее привлекательных для США новых государств в партнерские отношения с Западом; 3) содействие

формированию местных структур безопасности и сотрудничества под покровительством США; 4) интеграция-включение России как главной страны пост-социалистического мира в невраждебные отношения с Соединенными Штатами, при исключении гарантий со стороны США территориальной целостности России в случае ее неспособности контролировать ситуацию в пределах своих границ. Это еще не конфронтационная версия политики США в отношении России. Объективно она рассчитана на ее «надежное» включение в орбиту американской политики в качестве одного из самых важных партнеров США. Однако партнеров младших. Потому что никаких других партнеров американская внешнеполитическая традиция не знает, не хочет и не умеет признавать.

III

Россия же, со своей стороны, прилагать к себе аршин младшего партнерства не соглашается. Виноватого вне страны никто не ищет, но соблазн огрызнуться на США и международные институты силен. Политико-психологический фон российско-американских отношений особенно благоприятным не назовешь. Тем острее кажутся имеющиеся разногласия. Их можно распределить, по меньшей мере, по четырем основным группам.

Первая касается противоречий по вопросам конфликтов самоопределения по внутренней и внешней стороне границ России, а в более широком смысле — на пост-советском пространстве вообще. По текущей ситуации болезненная проблема — положение на Кавказе. Война в Чечне и положение в Грузии, фактически втянутой в эту войну; способная в любой момент детонировать ситуация в разделенном между Россией и Азербайджаном историческом Лезгинистане; армяно-азербайджанский конфликт вокруг Карабаха и неспособность Москвы найти разумную развязку своих военно-стратегических и нефтяных интересов в треугольнике Азербайджан-Грузия-Армения с назойливо маячащей за ним Турцией; активность американских нефтяных корпораций в зоне кавказских нефтепроводов и американские посулы расширить сотрудничество НАТО с бывшими республиками советского Закавказья — все вместе это образует клубок косвенных российско-американских противостояний. Кавказ фактически стал зоной «превращенной» конфронтации США и России, хотя это конфронтация носит политический характер и отличается «малой интенсивностью».

К этой же группе разногласий, конечно, тесно примыкает вопрос о роли США в «хронически двусмысленных» отношениях России и Украины. Но этот аспект противоречий, при всей его значимости, в текущей ситуации менее важен, чем напряженность вокруг кавказского сплетения.

Второй по порядку и значению сферой российско-американских противоречий уместно считать спор вокруг договора ПРО, возможностей, перспектив и путей сохранения стратегического паритета, равно как и шансов спасения сорок лет складывавшегося режима контроля

над вооружениями, который в случае выбора Вашингтона в пользу односторонних шагов в сфере обороны может совсем разрушиться.

Третья группа разногласий — вопрос о геополитическом статус-кво, отказе США его соблюдать и систематических шагах Вашингтона к приобретению позиционных преимуществ над Россией посредством расширения НАТО. О логике американской позиции было сказано достаточно. Добавить стоит лишь то, что Москва несогласна с политикой «свершившихся фактов», которая, сказать правду, в самом деле отчасти вернула российско-американские отношения к практике, существовавшей в советско-американских (классически конфронтационных) до появления М.С.Горбачева с его новым политическим мышлением, по утверждению которого США и СССР торжественно провозгласили приоритет согласованных действий по отношению к односторонним — о чем теперь никто не вспоминает.

Действия Вашингтона дают российскому руководству перевес своеобразных морально-психологических преимуществ: не Москва, а Вашингтон выступает ревизионистом, не она, а он занимает наступательную позицию, пользуясь растерянностью России, и, стало быть, не ее можно будет обвинить в отчуждении, случись такое между Россией и США в результате очередных натисков с Запада и/или ужесточения российских ответов, ожидать которых, возможно, придется не особенно долго. Отметим попутно, что перелом в российском общественном мнении в пользу «ре-интеграции» Белоруссии, несмотря на карикатурность ряда черт правления А.Лукашенко, психологически был отчасти мотивирован инстинктивным желанием «отгородиться» и «обезопаситься» от выдвинувшейся вглубь российско-го пояса безопасности военной машины НАТО.

Четвертый блок трений, как видится, легче всего образно охарактеризовать как «битву за организационный ресурс». Имеется в виду, что Россия стремительно теряет возможности реально влиять на принятие ключевых международных решений по мере того, как, во-первых, «группа семи» все решительней перенимает у ООН функции регулятора мировой политики, и во-вторых, сама Организация Объединенных Наций приближается к внутренней реформе, при любом варианте которой «удельный вес» голоса России в массе приобщаемых к принятию решений стран уменьшится даже при сохранении в какой-то форме ее привилегированного статуса в Совете Безопасности. Таким образом «выпаривается» один из двух последних ресурсов проведения глобальной политики, который оставался у России после распада СССР.

Ситуация в российско-американских отношениях характеризуется столь разительным перевесом США в обеспеченности внешнеполитическими ресурсами, что говорить о равноправном партнерстве между двумя странами приходится только как о желанной и недостижимой цели. То, что российская дипломатия может сделать на американском направлении фактически, можно описать разве словами «пассивное сопротивление», при этом сопротивление избирательное. Противодействовать напору США по всем азимутам трудно, как минимум,

по трем причинам: из-за ограниченности ресурсов России, ее зависимости от финансовой поддержки Запада и сильно разросшегося проамериканского слоя финансово-деловых кругов и магнатов индустрии массовой информации.

Вряд ли поэтому правление В.Путина принесет резкие перемены в отношениях России и США. Скорее всего, их развитие продолжится в рамках квази-партнерского, квази-союзнического вектора, сохранение которого не исключает периодических всплесков трений. В этом, строго говоря, нет ничего фатального. Ведь всплески разногласий, говоря языком медицины, можно расценивать как своего рода «спазмы аккомодации», сопровождающие трудное приспособление российской внешней политики к изменившимся внешним и внутренним условиям для ее проведения.

Соединенные Штаты и их союзники за десять лет много вложили в Россию — политически, идеологически, морально и даже экономически. Одновременно Западный мир получил от развития сотрудничества с Москвой выигрыш, составляющими которого являются улучшение условий доступа к энерго-сырьевым ресурсам, использование высококачественного интеллектуального и людского потенциала, высвобождение средств оборонных бюджетов и другое. Запад получил неоценимые преимущества в конкуренции с азиатскими центрами мировой экономики и политики. Перспективы сохранения или, наоборот, частичной утраты этих преимуществ прямо ассоциируются в глазах американской элиты с возможностью или невозможностью удержать Россию на платформе сотрудничества с Западом. Это обстоятельство при любом исходе выборов в США будет служить амортизирующей подушкой, снижающей вероятность резких перепадов в западно-российских отношениях.

Это не предвещает, конечно, беспроблемности взаимодействия России и США. Повестка дня вырисовывается сложная и конфликтная. Не стоит преуменьшать трудности, хотя их не следует и преувеличивать. Легкий этап российско-американских отношений, когда Москва без нажима уступала Западу, полагая уступки не угрожающими для себя, закончился. Запас прочности истончился, и стали другими представления о достаточности такового у российского политикоформирующего слоя. Затянувшееся отсутствие успехов экономического развития и рост внутренних политических трудностей делают элитные группы чувствительными к вопросам как «чистого» престижа, так и реальной безопасности страны.

Реагируя на новый «элитно-массовый» запрос, руководство страны стремится четче сформулировать национальные интересы (отсюда — внимание к военной доктрине и концептуальным посланиям президента) и превращать переговорную «торговлю» за них в норму внешнеполитической деятельности. При таком подходе можно ожидать разногласий в содержательной программе отношений между двумя странами. Но прогнозируемый рост трений в этом смысле кажется естественным показателем поступательного развития, его перемещением на новую стадию.

Однако повод для серьезного беспокойства все же есть. Он связан не с существованием между Россией и США противоречий, а с неуспехом попыток сформировать в российско-американских отношениях достаточно мощную сферу взаимопроникающих и переплетенных торгово-хозяйственных и финансово-экономических устремлений, которые могли бы «изнутри» комплекса двусторонних связей уравновешивать и нейтрализовывать противоречия, рост которых прогнозируем.

Об оптимальной линии России в отношениях с США с учетом сказанного говорить не просто. Она должна, по-видимому, являть собой довольно виртуозное сочетание твердости с изворотливостью и умением находить компромисс в условиях превосходства партнера по диалогу. Уход в оборону, разрыв прежде достигнутых договоренностей, о чем время от времени говорят в высоких кремлевских кабинетах и на пресс-конференциях, в таком положении — крайний вариант. Вспомним, тактика самоизоляции и ухода с переговоров, принятая Ю.В. Андроповым в 1983 г., пусть и «в ответ» на размещение американских ракет средней дальности в Европе, не дала Советскому Союзу выигрышей, а только осложнила его международное положение и поспособствовала росту настроений внутри «предперестроенной» части руководства страны махом решить все «тупиковые» проблемы советско-американских отношений методом «прорывов».

* * *

Мальто-мадридский порядок, который начал складываться как модификация биполярного, в начале нового века функционирует как порядок плюралистически-однополярный и отцентрованный под «группу семи». Стратегия перезакладки экономических и военно-политических оснований, которые в наступившем веке призваны гарантировать ведущим странам Запада сохранность их преимущественного положения в международных отношениях, является объединяющей целью, которая сплачивает усилия большинства ведущих государств мира. Эта стратегия, реализуемая в наступательных внешнеполитических концепциях, предусматривающих использование силы, объективно ущемляет интересы России, исторически сложившейся в качестве сверх-крупного многоэтничного государства и закономерно стремящейся сохранить свои основные страновые характеристики.

Запад не закрывает ни для себя, ни для России путь к сотрудничеству и взаимному сближению вплоть до интеграции в перспективе. Болевая проблема ситуации — в качестве партнера для сотрудничества и интеграции Запад с готовностью и легкостью принял бы и существенно иную Россию — меньшую в размерах, имеющую иные границы и не такую сильную в ядерном смысле — в то время как для самой России «вхождение» в цивилизованное сообщество имеет смысл лишь в той мере, в какой оно совместимо с сохранением традиционной российской идентичности, радикального изменения которой, похоже, вряд ли можно скоро ожидать.